

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-134-145

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Парадоксы событий 1968 года в интерпретации ученицы Поля Рикера

М. Кастийо

Университет Пари-Эст, Париж, Франция

Аннотация

В статье рассматриваются причины и проблемы революционных выступлений во Франции конца 60-х годов. Автор анализирует истоки революционных волнений и приходит к выводу, что изначально события развивались стихийно, не имели конкретного политического плана и направленного организационного руководства, цели носили утопический характер, методы борьбы были преимущественно анархическими. Выступления были мотивированы романтическим стремлением к свободе, обновлению общества, противодействию тоталитаризму, меркантильности, социальной несправедливости, устаревшим нормам жизни. Участники событий наивно полагали, что спонтанный протест и отказ от подчинения любому устоявшемуся порядку автоматически приведут к пробуждению самосознания людей и преобразованию социальной жизни. В результате они столкнулись с неизбежным парадоксом революционного движения. Утверждая необходимость применения насилия с целью противостояния насилию со стороны власти, революционеры разрушают общественный порядок и правовое состояние во имя построения нового мира свободы, что приводит к колоссальному росту насилия, хаоса и несвободы и вызывает в обществе страх и ностальгию по порядку. Автор исследует позицию Рикера в период революционных событий во Франции. Сам философ оценивает свой опыт деятельности по реорганизации системы управления образованием, опираясь на связи по горизонтали, как фундаментальный провал. Тем не менее, как утверждает Кастийо, в сфере философии Рикер создал глубокую и дальновидную концепцию критики преобразования, основывающуюся на принципе конфликта интерпретаций, позволяющую противостоять разрушению, конструктивно переосмыслить и усовершенствовать систему управления обществом.

Ключевые слова: конфликт интерпретаций, критика преобразования, социальный протест, события мая 1968 года во Франции.

Кастийо Моник – профессор отделения философии и литературы Университета Пари-Эст.

Перевод с французского:

Мачульская Ольга Игоревна – научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

Для цитирования: *Кастийо М.* Парадоксы событий 1968 года в интерпретации ученицы Поля Рикера // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 9. С. 134–145. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-134-145

Paradoxes of the 1968 Events in the Interpretation of Paul Ricœur's Student

M. Castillo

Paris-Est Créteil University, Paris, France

Abstract

The author considers the reasons and problems of civil unrest in France in the end of the 1960s. The author analyzes sources of revolutionary movement and comes to a conclusion that initially spontaneously developed events had no concrete political plan and organized guidance, its purposes had utopian character, methods of fight were mainly anarchical. Activity was motivated with romantic aspiration to freedom, reforming society, counteraction to totalitarianism, commercialism, social injustice, obsolete rules of life. Participants of events fondly believed that the spontaneous protest and refusal of submission to any established order automatically will lead to awakening of consciousness and transformation of social life. As a result, they faced an inevitable paradox of revolutionary movement. Approving need of use of violence for the purpose of opposition to violence from the government, revolutionaries destroy public order and a legal state for creation of the new world of freedom that leads to the enormous growth of violence, chaos, and unfreedom and causes in society fear and nostalgia of order. The author examines Ricœur's position during revolutionary events in France. The philosopher evaluates the experience of his own work for the reorganization of education system (aiming to strengthen horizontal relations) as a fundamental failure. Nevertheless, as the author of the article claims, in the sphere of philosophy Ricœur created the profound and far-sighted conception of criticism of transformation, this conception is based on the principle of the conflict of interpretations and allows to resist destruction, to constructively rethink and improve society management system.

Keywords: conflict of interpretation, converting criticism, social protest, May 1968 events in France.

Monique Castillo – Ph.D. in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Literature, Paris-Est Créteil University.

Translated from French into Russian by:

Olga I. Machulskaya – Research Fellow, Department of Modern Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

hermeneutique.academie@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9040-0160>

For citation: Castillo M. (2020) Paradoxes of the 1968 Events in the Interpretation of Paul Ricœur's Student. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 9, pp. 134–145.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-134-145

Для меня как для ученицы Поля Рикера в 1966–1971 годы эта эпоха связана с потрясением от догматического либертарианства студенчества, а также со стремлением понять в дальнейшем мудрое отношение Рикера к происходящим событиям.

Вступление

Среди многочисленных характеристик событий мая 1968 года нужно отметить пространственно-временную специфику явления «студенческий кампус». Молодые люди жили при университете в период от ранней юности до приобщения к профессиональной деятельности. Живущие в кампусе студенты очень часто воображали, что преобразование университетского сообщества позволит перейти к преобразованию политической жизни в целом. Я констатирую это не для того, чтобы смягчить последствия произошедших событий, а для того, чтобы понять трудности их интерпретации, требующей объяснения мотивов поступков не с позиции нашей современной трактовки ситуации, а с точки зрения участников катаклизма той эпохи.

Как часто подчеркивают исследователи, именно этот общеизвестный парадоксальный эффект 1968 года оказал влияние на современный неолиберальный индивидуализм. Таким образом, капитализм утратил свой аскетизм и стал жизнерадостным, избрательным, свободным, своего рода «артистическим капитализмом», как охарактеризовал его Болтански¹. Тем не менее не

¹ См. об «артистической критике» капитализма в книге Л. Болтански и Э. Кьяпелло «Новый дух капитализма» [Boltanski, Chiapello 1999] и одноименной статье [Болтански, Кьяпелло 2011]; см. также работу Ж. Липовецки и Ж. Серруа «Эстетизация мира. Жить в эпоху артистического капитализма» [Lipovetsky, Serroy 2013]. – *Прим. пер.*

следует приписывать действующим субъектам прошлого преднамеренное стремление к достижению подобного результата.

Для того чтобы избежать ретроспективного проектирования, мне представляется целесообразным сначала дать возможность высказаться самим участникам событий, что позволит нам попытаться понять изнутри их противоречивые действия.

И тогда сразу возникают два вопроса:

Во-первых, почему в качестве своего рода категорического императива утверждается сексуальная свобода?

Во-вторых, почему стремление к свободе слова привело к неконтролируемому насилию?

Что касается первого вопроса, сомнительно, что эмансипацию женщин следует буквально отождествлять лишь с либерализацией нравов в сфере сексуальности.

Относительно второго вопроса Поль Рикер разъясняет суть политической парадоксальности протеста молодежи посредством анализа явления, которое он сам называет своим личным «провалом 1968 года» в области политической философии.

Размышление над этими проблемами позволяет прояснить те сложности в культурной жизни современной эпохи, обусловленные наследием событий 1968 года, которые нередко оказывают негативное влияние на процесс демократизации.

Сексуальность и эмансипация

Над идеологией 1968 года часто иронизируют из-за ее догматизма и абсолютизации критики, выразившихся в культовой формулировке: «запрещается запрещать». Однако юмор не всегда присутствовал в лозунгах и поведении. Об этом свидетельствует отношение к сексуальности.

Упомяну некоторые эпизоды из жизненного опыта девушек в ту пору. Молодой человек идет по коридору университетского общежития (как известно, вопрос о разрешении посещения женского общежития юношами стал одним из импульсов протеста). Увидев понравившуюся ему студентку, он предлагает ей заняться любовью, а столкнувшись с отказом, презрительно заявляет: «Ты не свободна!». Еще один случай. Сторонник плотского эпикурейства с удовлетворением сообщает группе девушек: «Скоро парни и девчонки смогут спать вместе, когда захотят, потому что аборт не будут вызывать осуждения». Многочисленные происшествия того же характера вызывают подозрение, что сексуальная революция 1968 года прежде всего эмансипировала мужчин.

Разумеется, в 1968 году женщины прекрасно понимали, что распределение социальных ролей было в значительной степени предопределено доминированием во всем мире мужской точки зрения. В одном медицинском журнале было написано, что неполноценность женщин проявляется в том, что для них важнейшим условием счастья является благополучная жизнь с любимым мужчиной; один известный психолог объяснял, что девочки взрослеют быстрее и учатся лучше, чем мальчики, потому что у них меньше ответственности перед обществом. Эти грубые и примитивные сексистские представления наглядно демонстрируют, что образ женщины сводился прежде всего к исполнению обязанностей матери и хранительницы домашнего очага. Как гласит немецкая поговорка, «Kinder, Küche, Kirche», – вот сфера деятельности женщины.

Несомненно, если делать акцент на физических отношениях и эротических желаниях, то важнейшая роль материнства утрачивает свой приоритет в представлениях о предназначении женщины. И если мы примем эту точку зрения, поддерживающую стремление к удовольствиям и радости жизни, то рискуем исказить образ женщины, превратив ее в то, что в наши дни называют объектом сексуального удовлетворения. Конечно, подобное извращение не было преднамеренным, тем не менее в современных условиях мы по-прежнему сталкиваемся с этим двусмысленным и необдуманым отождествлением понятий эмансипации женщин и сексуальной свободы. Подлинное освобождение в собственном смысле слова возможно реализовать лишь в сфере политического бытия, а не в ограниченном пространстве частной жизни и собственного удовольствия. Эмансипация позволяет женщине самостоятельно распоряжаться своей сексуальной жизнью и превратить как материнство, так и свою профессиональную деятельность в социальное достояние, общественное благо, соответствующее коллективным интересам. Именно в этом и заключается смысл эмансипации, состоявшейся во время Первой и Второй мировых войн, когда женщины продемонстрировали, что их личные способности могут быть полезны всему обществу, а понимание того, что благодаря их знаниям и умениям они могут участвовать в процессе созидания социальных и экономических благ, возвысило историческую значимость их деятельности.

Удивительно, что в 1968 году женщинам пытались навязать в качестве своего рода социальной обязанности то, что проистекает из спонтанных жизненных явлений, из стихийных интимных аспектов индивидуального выбора. «Ты должна обнажать свое тело, иначе ты не такая, как все!» Откуда проистекает подобный либертарианский догматизм? Поражает то, что этот новый интел-

лектуальный догматизм порождает нормы поведения, проистекающие из многочисленных ученых дискуссий, нередко сумбурных, но активно ссылающихся на изыскания в области философии и гуманитарных наук. Мы примитивно трактуем заявление Фуко о том, что во Франции демократическая идеология опирается на науки, изучающие телесное, мы извращаем учение Фрейда, воспринимая его как доктрину, отождествляющую невроз с чувством вины, сопровождающим сексуальные побуждения, мы превращаем концепцию Ницше в образец контркультуры, утверждающей жизненную силу, ниспровергающую любые принципы (к великому удивлению немцев относительно того, что французы видят в нем сторонника левых взглядов). Такова эта странная стихийная и парадоксальная революция нравов, поражающая сочетанием высокой эрудиции и очевидной склонностью к предрассудкам со стороны ее идеологов.

Речь и насилие

Вызывают удивление также политические и практические мотивы протеста. Безусловно, события мая 1968 года имели серьезные политические и социальные последствия, однако студенты не были связаны с какими-либо партийными или профсоюзными организациями. События развивались стихийно.

На первый взгляд, события 1968 года породили, если можно так выразиться, политику подлинного неповиновения порядку – находчивую и обезоруживающую власть тактику. Студенты позволяют себе хамить преподавателям, срывают занятия, требуют свободы слова для того, чтобы заявить, что они отвергают существующую систему образования... Подобная тактика приводит в замешательство и парализует возможность противодействия со стороны правоохранительных органов, поскольку студенческий протест выглядит как грубое, но отнюдь не противозаконное проявление свободы слова; следовательно, поступки студентов нельзя квалифицировать как нарушение юридических норм: они не подрывают государственный строй, не посягают на имущество и безопасность других граждан, их анархический характер проявляется преимущественно в вербальной форме. Кроме того, подобная практика неподчинения может быть интерпретирована как своего рода революционный проект обновления общества: участники протеста надеются, что посредством непрерывного расшатывания социальных институтов и непрекращающейся провокации граждан они сумеют пробудить в обществе самосознание и стремление к постоянному самореформированию.

Но тогда встает вопрос о том, каким образом насилие оказалось возможным? Почему протест, заключавшийся в требовании свободы слова, закончился войной? Поль Рикер в одном из своих интервью дает объяснение этому парадоксу, настаивая на необходимости четкого разграничения событий 1968 и 1969 годов. И вот как это звучит:

– Когда у Вас сложилось впечатление, что события выходят из-под контроля?

– Как только генерал де Голль установил контроль над ситуацией, выяснилось, что у оппозиции не было какого-либо жизнеспособного политического проекта, было лишь намерение саботировать работу политических институтов. С этим явлением я столкнулся, когда меня избрали деканом в 1969 году. Я видел лишь упорное стремление к беспорядку, вызванное не политическими мотивами, а субъективным желанием не работать – помешать деятельности университета... любая власть как таковая немедленно отождествлялась с насилием и безоговорочно отвергалась [Ricœur 2011, 62].

Это высказывание позволяет прояснить факты и хронологию событий в контексте различий между первоначально спонтанным и утопическим движением 1968 года и выступлениями 1969 года, мятежными и насильственными, преисполненными намерения полностью уничтожить символы власти. Подобное разграничение не дает глубокого и всеобъемлющего анализа сути происходящих исторических событий, относящихся к политической сфере, а точнее – понятию власти, приобретающему важнейшее значение. Однако Поль Рикер ссылается на эти проблемы, рассматривая произошедшие события, которые он характеризует как *свой собственный провал 1968 года*: «Мой фундаментальный провал был вызван тем, что я хотел восстановить систему отношений, опираясь на связи по горизонтали. С этой точки зрения, мой опыт работы в качестве декана был плодотворным в плане моих размышлений, не касающихся вопросов политики... В настоящее время я расцениваю произошедший провал как сложность выстраивания асимметричных связей и взаимоотношений» [Ricœur 2011, 65].

Таким образом, причина провала заключается в невозможности реализовать утопию, утверждающую свое особое понятие власти, оправдывающую попытки защитить студентов в их конфронтации с университетскими властями. Как следует из цитируемого фрагмента, одним из проявлений утопизма было желание выстроить систему власти по вертикали, опираясь на отношения солидарности по горизонтали. Власть по вертикали функциони-

рует посредством системы нормативных актов (от конституции до административных правил), а также предполагает право принуждения, обеспечивающее исполнение существующих норм. Горизонтальное измерение подразумевает наличие спонтанных реляционных связей в обществе. Как видим, точка зрения Рикера по данному вопросу близка к позиции Ханны Арендт, отвергавшей классическую концепцию связи между властью и силой и трактовавшей власть как *совместное действие*, выражающее реализацию социального бытия, координирующее инициативы и обязанности членов общества². Участники событий 1968 года, как нам представляется, столкнулись с другим типом отношения к власти, сопровождающимся неизбежным противоречием революционного подхода: необходимость применения насилия во имя ниспровержения насилия со стороны власти. Однако уличное насилие не тождественно легитимному «насилию» государственной власти, которое чаще называют «общественной силой». Насилие, к которому имеют право прибегнуть полиция и армия, по сути является не произвольной физической силой, а контролируемым и регулируемым средством, служащим политике поддержания общественного порядка, применение которого ограничивается выполнением данной задачи. Принципиально иным типом насилия является намерение выйти за пределы правового состояния для уничтожения врагов и объявить свои действия морально легитимными во имя построения воображаемого лучшего мира. В этом заключалось смертоносное противоречие проводившейся во Франции тактики террора с целью заставить народ быть свободным. В 1968 году риск утраты норм и ориентиров в процессе неустанного разрушения, всего того, что не соответствовало представлениям об идеале, несомненно вызвал страх у населения страны в целом и инициировал стремление к восстановлению порядка.

Мировоззрение Рикера после событий 1968 года

Однако восстановить порядок в сфере университетского и школьного образования путем простого возвращения в прошлое было уже невозможно. Более того, создается впечатление, что система образования осталась в плену тех апорий, с которыми столкнулась в мае 1968-го, эти проблемы, истоки которых находятся за пределами собственно педагогики, связаны с противоречием между отвергнутыми демократическими ценностями и неэффективностью преподавания.

² См. книгу Х. Арендт «О насилии» [Арендт 2014]. – *Прим. пер.*

Это приводит к тому, что события 1968 года рассматривают не как причину кризиса, а как его последствие, прежде всего как эхо кризиса, ознаменовавшего этот период, кризиса, внутренне присущего современной эпохе и парадоксальным образом порожденного современностью. В действительности мы выходим из индустриальной эпохи, что наглядно отразил Хабермас в своей работе «Наука и техника как идеология», опубликованной в 1968 году [Habermas 1968]. Тем не менее в то время изыскания в сфере культуры, социальной жизни и политики в свою очередь оставались привязанными к интеллектуальным критериям индустриальной эпохи (будь то идеология марксизма на левом фланге или либерализма на правом фланге). В Университете Нантера потрясение было связано с вторжением в учебный план гуманитарных наук (в каком-то смысле это почти превратилось в гуманитарный глобализм), что усилило ощущение разрыва связи образования с присущей Западу традицией научной рациональности.

Таким образом, можно говорить о двустороннем кризисе смысла.

С одной стороны, сформировавшийся новый альянс между наукой и техникой разрушает прежний альянс, обеднявший прежде всего знание и гуманизм.

С другой стороны, гуманитарные науки переносят свойственное им разочарование в научной рациональности на иной уровень значений и в иную область: значений, которые индивиды и сообщества придают своему существованию и своим действиям; понятия бессознательного, структуры, функции способствуют выявлению и разрушению иллюзий, порожденных и поддерживаемых сознанием; неспособность к рефлексии относительно самого себя становится проблемой, придающей интеллектуальной активности своего рода революционный жар.

Создается впечатление, что события 1968 года привели к политизации демистифицирующей направленности гуманитарных наук, поставив их на службу радикальному антитоталитаризму, несомненно искреннему, однако необоснованно распространяющемуся на все формы жизни человека: семья, язык, культура трактуются как проявления тоталитаризма. Таким образом, разоблачение тоталитаризма навязывается в качестве безупречной позиции, подразумевающей самокритику: школа критикует образование, представители творческих профессий критикуют искусство, семья критикует семейную жизнь, социальные институты критикуют систему управления. В результате деконструкция воспринимается как неизбежное разрушению связей, разногласия как путь к

восстановлению, дестабилизация как средство реформирования. Возможно, отголоски этого мировоззрения по-прежнему звучат в европейской душе, поскольку европейцам свойственно подвергать критике собственную цивилизацию в качестве подтверждения открытости другим культурам, невзирая на пагубные последствия подобных действий, девальвирующих существующие ценности и подрывающих соответствующие им требования, регулирующие политическую, социальную и культурную жизнь.

Ретроспективный анализ ясно демонстрирует, что феноменология действия Рикера вряд ли могла вписаться в политизированную и чрезмерно упрощенную концепцию культуры той эпохи. Но именно благодаря философскому подходу к размышлениям над проблемами, культурная жизнь обрела ту сложность, которая присуща ей в настоящее время. Как мы знаем, образ мыслей Рикера основывается на напряженном взаимодействии противоположностей, при котором одно утверждение не отвергает другое, а напротив, решение проблемы достигается посредством плодотворного философского и духовного анализа, осуществляющегося благодаря конфликту интерпретаций. Вот почему критический метод Рикера, как нам представляется, делает его мыслителем эпохи, наступившей после событий 1968 года: превосходство Рикера объясняется не деконструкцией, а самосовершенствованием, ведущим к самопониманию.

В книге «Конфликт интерпретаций», изданной в 1969 году, Рикер формулирует свою собственную концепцию критики, которая могла бы совершенно иначе повлиять на развитие событий 1968 года, если бы философские идеи мыслителя были восприняты в то время. С одной стороны, критика, разоблачающая злоупотребления со стороны власти и бросающая вызов несправедливости, безусловно необходима; с другой стороны, критике следует подвергать также и злоупотребление критикой, превращающее ее в деструктивную силу. Критика должна содействовать переосмыслению и исправлению, Рикер предлагает понятие критики как преобразования: «...Мы стремимся преодолеть один тип критики посредством другого – такой критики, которая не разрушает, а преобразует» [Ricoeur 1969, 481]. Рикер считает, что гуманитарные науки открыли человечеству эпоху новой модерности, которую сегодня называют рефлексивной модерностью³,

³ Основа теории рефлексивной модерности, или рефлексивной современности, была заложена работами У. Бека, У. Гидденса, С. Лэша [Beck 1986; Giddens 1991; Lash 1993; Beck, Giddens, Lash 1994]. – *Прим. пер.*

плодотворность этой рефлексии заключается в ее способности отклонять и ограничивать опасную активность исключительно деструктивной критики.

Ощущаются ли последствия событий 1968 года в наши дни? В свое время Шатобриан говорил о том, что радикальные консерваторы продвигаются в будущее, отступая назад. На протяжении пятидесяти лет мы делаем то же самое: мы пытаемся увидеть настоящее исключительно путем обращения к прошлому. Мы объявляем нашу эпоху постиндустриальной, постгероической, постметафизической и постмодерной. В этом смысле Поль Рикер предстает более молодым человеком, чем мы, и это стало очевидным еще в 1968 году.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арендт 2014 – *Арендт Х.* О насилии / пер. с англ. Г.М. Дашевского. – М.: Новое издательство, 2014.

Болтански, Кьяпелло 2011 – *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма // *Логос.* 2011. № 1 (80). С. 76–102.

Beck 1986 – *Beck U.* Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. – Frankfurt am Main: Suhkamp, 1986.

Beck, Giddens, Lash 1994 – *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. – Standord: Stanford University Press, 1994.

Boltanski, Chiapello 1999 – *Boltanski L., Chiapello E.* Le nouvel esprit du capitalisme. – Paris: Gallimard, 1999.

Giddens 1991 – *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. – Cambridge: Polity, 1991.

Habermas 1968 – *Habermas J.* Technik und Wissenschaft als „Ideologie“. – Frankfurt am Main: Suhkamp, 1968.

Lash 1993 – *Lash S.* Reflexive Modernization: The Aesthetic Dimension // *Theory, Culture & Society.* 1993. Vol. 10. No. 1. P. 1–23.

Lipovetsky, Serroy 2013 – *Lipovetsky G., Serroy J.* L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste. – Paris: Gallimard.

Ricœur 1969 – *Ricœur P.* Le conflit des interprétations. – Paris: Editions du Seuil, 1969.

Ricœur 2011 – *Ricœur P.* La critique et la conviction. Entretien avec François Azouvi et Marc de Launay. – Paris: Calmann-Lévy, 2011.

REFERENCES

Arendt H. (1970) *On Violence.* New York: Harcourt, Brace, & World (Russian translation: Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2014).

Beck U. (1986) *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne.* Frankfurt am Main: Suhkamp (in German).

Beck U., Giddens A., & Lash S. (1994) *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Standord: Stanford University Press.

Boltanski L. & Chiapello E. (1999) *Le nouvel esprit du capitalisme*. Paris: Gallimard (in French).

Boltanski L. & Chiapello E. (2005) The New Spirit of Capitalism. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 18, no. 3–4, pp. 161–188 (Russian translation in: Logos. 2011. No. 1, pp. 76–102).

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity.

Habermas J. (1968) *Technik und Wissenschaft als „Ideologie“*. Frankfurt am Main: Suhkamp (in German).

Lash S. (1993) Reflexive Modernization: The Aesthetic Dimension. *Theory, Culture & Society*. Vol. 10, no. 1, pp. 1–23.

Lipovetsky G. & Serroy J. (2013) *L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste*. Paris: Gallimard (in French).

Ricœur P. (1969) *Le conflit des interprétations*. Paris: Editions du Seuil (in French).

Ricœur P. (2011) *La critique et la conviction. Entretien avec François Azouvi et Marc de Launay*. Paris: Calmann-Lévy (in French).